

ЭТНИЧЕСКАЯ МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ВЛАСТНЫХ ЭЛИТ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

Абдуллаев Абас, аспирант

Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт
Российская Федерация, 357108, Ставропольский край, г. Невинномысск,
б-р Мира, 17
E-mail: abas82@yandex.ru

Статья посвящена влиянию этнической миграции в Дагестане в качестве фактора трансформации региональных властных элит. Автор рассматривает одно из последствий сельской этнической миграции в регионе – с гор на равнину, из села в городские поселения: трансформация этнической структуры властных элит в регионе. Автор выдвигает тезис о том, что основным фактором изменения этнической структуры политической элиты в республике в постсоветский период выступило изменение качественных характеристик внутрирегионального миграционного процесса.

Ключевые слова: Дагестан, этническая миграция, трансформация этнической структуры властных элит, этнический фактор миграции, внутренняя миграция населения, этнические пропорции населения

ETHNIC MIGRATION AS A FACTOR OF TRANSFORMATION OF POWER ELITES IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN

Abdullaev Abas, postgraduate student

Nevinnomyssk State Humanitarian-Technical Institute
17 Mira Ave., Nevinnomyssk, Stavropol region, 357108, Russian Federation
E-mail: abas82@yandex.ru

The article is devoted to the influence of ethnic migration in Dagestan as a factor in the transformation of regional power elites. The author considers one of the consequences of rural ethnic migration in the region - from the mountains to the plain, from the village to the urban settlements: the transformation of the ethnic structure of power elites in the region. The author puts forward the thesis that the main factor in changing the ethnic structure of the political elite in the republic in the post-Soviet period was the change in the qualitative characteristics of the intraregional migration process.

Keywords: Dagestan, ethnic migration, transformation of the ethnic structure of the power elite, the ethnic factor migration, internal migration and ethnic proportions of the population

В XX в. миграция осуществила качественный переход в своей эволюции, перейдя на глобальный уровень влияния, затронув все без исключения субъекты, воздействуя практически на все сферы жизни. Однако в отличие от предшествующих исторических периодов взаимопроникновение миграций и социально-политических процессов стало более глубоким, как на территории донора, так и реципиента на всех уровнях.

Миграционный процесс стал предметом многочисленных дискуссий в силу изменения его основных качественных характеристик, в связи с совокупным влиянием (непосредственным и опосредованным) на общественную, экономическую и политическую жизнь как государств, генерирующих миграционные потоки, так и испытывающих нагрузки от этого процесса. В связи с чем миграцию стали рассматривать и с инструменталистских позиций в качестве действенного элемента трансформации политических процессов на глобальном и периферийном уровнях. По мнению некоторых исследователей, миграционный кризис в Европейском союзе можно рассматривать, как один из последних очевидных подтверждений попытки использовать миграционный процесс в политических целях [4].

Среди значимых компонентов миграции, как фактора политического процесса, может быть рассмотрен этнический. Конец XX в. ознаменовал становление глобаль-

ной тенденции – этнизации политических процессов – одним из признаков, которой явилась жёсткая привязка в реализации гражданских прав к этническому происхождению их носителей. Изучение этнической миграции в этой связи приобретает не столько академическое, а скорее прикладное значение.

Неравномерное участие в миграции различных этнических групп ведёт к изменению качественного состава населения, как территории въезда, так и выезда. В этом случае одним из условий трансформации политического процесса может выступить изменение этнических пропорций на территориях участвующих в миграции.

Одним из итогов постсоветских политических трансформаций в России на региональном уровне явилась этнизация республиканских политических элит, а затем тенденция к их этатизации [2, с. 109]. В Дагестане эти процессы получили масштабное развитие под воздействием миграционного фактора.

Новые для республики миграционные потоки, возникшие в силу различных причин (политические кризисы 1991 и 1993 гг., социально-экономический коллапс, вооруженные конфликты в соседних регионах), привели к значительной дестабилизации политических процессов в регионе. Решениями Центра были инициированы и возвратные этнические миграции – последствия принудительных переселений в период СССР.

Интенсивный миграционный отток представителей экономической миграции советского периода, прежде всего русских и в меньшей степени украинцев, армян, татар, евреев, пик, которого пришёлся на середину 1990-х гг., носил стихийный этнический характер [3]. Эти явления послужили предпосылкой к сокращению удельного веса указанных этносов в структуре политической элиты региона.

Традиционные же потоки для республики – экономическая (урбанистическая) миграция с гор в предгорье и на равнину (60–70-е гг. XX в.), носившая прежде регулируемый, планомерный характер, в 1990-е гг. сменилась на хаотичную и малопрогнозируемую.

На региональном политическом поле возникли новые фигуры из сельских по большей части горских моноэтнических районов, в прежние годы находившиеся на периферии социальных и политических процессов либо вовсе пребывавших в маргинально-криминальной среде. Будучи активными носителями собственной этничности, мигранты использовали это естественное организационное преимущество в борьбе за власть, развернувшуюся в 1990-е гг. в республике.

Появление мигрантов – политических антрепренеров – было продиктовано социальным запросом на харизматические фигуры и, в целом, этот процесс находился в общем тренде трансформации постсоветских властных элит России [5]. Были и сугубо внутренние причины данному явлению. Обновленная дагестанская элита, по большей части, будучи советской, номенклатурной по образу мышления и политической культуре, была, в общем, не готова к разрешению возникавших в этот период многочисленных проблем и кризисов и серьёзно нуждалась в лидерах такого типа. В том числе она не справлялась с массовыми земельными конфликтами, возникавшими как в связи с возвратной миграцией в регион этносов и этнических групп, пострадавших от массовых репрессий в период СССР, так и внезапно образовавшимся правовым вакуумом в сфере землепользования [1].

Появление большинства национальных движений в начале 1990-х гг., в частности таких, как «Тенглик», можно рассматривать как реакцию местных элит на негативные следствия нерегулируемой внутренней миграции в регионе. В целях консолидации собственных сторонников мигрантскими элитами создавались альтернативные национальные движения, такие как «Народный фронт Дагестана имени имама Шамиля».

Одним из итогов постсоветского развития Дагестана можно рассматривать рост присутствия и активное участие мигрантских этнополитических элит в региональном политическом процессе. Такое положение элит объясняется тем, что в этот период

весь регион, по сути, был ими поделён на зоны влияния. Одним из признаков роста значимости мигрантских этнополитических элит в региональном процессе выступает снижение роли формально-правовых механизмов в межэлитных взаимодействиях всех уровней с параллельным ростом использования в них этноклановых связей [6–8].

Становление мигрантских политических кланов произошло ещё в период СССР, рекрутинг в которые осуществлялся из наиболее многочисленных этносов региона.

Советская правящая элита Дагестана была сформирована из внутренних мигрантов – представителей моноэтнических горных районов республики – Гунибского, Хунзахского, Сергокалинского, Левашинского и др. Изменению роли внутренней миграции в региональном элитном рекрутинге способствовала советская номенклатурная традиция формировать политические команды из «своих». Так как подбор кадров осуществлялся в значительной степени из гомогенных в национальном отношении районов, такой неформальный механизм институционализации властных элит как клановость получил в регионе этническое оформление.

«Советские» мигрантские элиты проходили жёсткие идеологические фильтры и, несмотря на свое этнопериферийное происхождение, являлись в большей своей массе функцией, находились в рамках советской идеологии. Их же постперестроечная смена, как показывает политическая практика, при выработке политических решений ориентируется на корпоративные интересы собственного клана и представляет принципиально иной политико-психологический тип.

В настоящее время формирование властных элит в регионе в целом протекает в рамках переговорного процесса посредством взаимных уступок и торга, по большей части за счёт сохранения традиционного механизма поддержания этнополитического равновесия – института этнического квотирования. Несмотря на это политический процесс в регионе сохраняет устойчиво конфликтный характер [14–15].

Внутренняя миграция в регионе выступает одним из условий властной институционализации одних этнополитических кланов и ослабления либо полной утраты легитимности других.

Доминирование в современной структуре региональной власти мигрантов с их этноклановыми ценностями и как следствие со специфическим взглядом на государственные интересы нередко приводит к серьёзным внутриэлитным противоречиям и конфликтам.

В 1990-е гг. внутренняя этническая миграция в Дагестане послужила одним из факторов трансформации советской политической элиты в этноклановую.

Внутренняя миграция с гор на равнину из сёл в городские поселения, детерминировавшая изменение этнодемографической ситуации на этих территориях въезда в условиях реализации принципа этнического квотирования при формировании власти стала причиной сдвигов в структуре региональных этнополитических элит, доминирующие позиции в которой заняли выходцы с горской периферии.

Трансформация властных элит в Дагестане, вызванная внутренней этнической миграцией, способствовала иницированию и воспроизводству устойчиво конфликтного политического процесса на всех уровнях. Этому в немалой степени способствуют патерналистские традиции, существующие здесь не одно столетие и определяющие внутренний уклад и частное отношение местных элит [16–18].

Этнодемографические процессы в зонах компактного проживания наиболее многочисленных этносов республики (как место этногенеза, так и новое место жительства мигрантов) задают политическую динамику на этих территориях, одновременно выступая значимым слагаемым регионального политического процесса.

Список литературы

1. Абдуллаев М. А. Противоречия в сфере национальных отношений / М. А. Абдуллаев // Коммунист. – 1990. – № 17. – С. 43–45.

2. Галлямов Р. Р. Политические элиты российских республик: особенности трансформации в постсоветский период / Р. Р. Галлямов // ПОЛИС: Политические исследования. – 1998. – № 2. – С. 108–115.
3. О состоянии и мерах по стабилизации миграционного процесса русскоязычного населения в республике : Постановление Государственного Совета Республики Дагестан от 26 июня 1995 г. № 59. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/26503746/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Четверикова О. Миграционный кризис в Европе и его заказчики / О. Четверикова. – Режим доступа: <http://www.russiapost.su/archives/57337>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Тощенко Ж. Т. Политические клоуны (шуты) / Ж. Т. Тощенко // Политическая концептология. – 2015. – № 1. – С. 91–109.
6. Карабущенко П. Л. Элиты Северного Кавказа: патриархальная элитарность и современность / П. Л. Карабущенко // Кавказ в начале XXI века: народы, общество и государство : мат-лы Международного форума / под. ред. Т. А. Шебзуховой, А. А. Вартумяна, Н. Ю. Рудь. – Пятигорск : Пятигорский филиал Северо-Кавказского фед. ун-та, 2015. – Т. 1. – С. 171–182.
7. Карабущенко П. Л. Элита и кризис: геополитика опасности и культура политической безопасности / П. Л. Карабущенко // Социально-политические и историко-культурные аспекты современной геополитической ситуации : мат-лы Междунар. науч.-практич. конф. – Москва : Перо, 2016. – С. 145–155.
8. Вартумян А. А. Региональные политические элиты: формирование, строение, институционализация : монография / А. А. Вартумян, А. В. Поляков. – Ставрополь : Ставропольский гос. ун-т, 2004. – 112 с.
9. Вартумян А. А. Гражданское общество и СМИ в системе антикоррупционной политики современной России : монография / А. А. Вартумян, П. Л. Карабущенко. – Пятигорск : Пятигорский филиал Северо-Кавказского фед. ун-та, 2014. – 204 с.
10. Вартумян А. А. Политические элиты постсоветской России: основные подходы и прикладной анализ / А. А. Вартумян // Современная наука и инновации. – 2014. – № 1.
11. Вартумян А. А. К вопросу об «институционализации» изучения региональных политических элит / А. А. Вартумян // Проблемы национальной безопасности России в XX–XXI вв. Уроки истории и вызовы современности : мат-лы Междунар. науч.-практич. конф. – Адлер, 2011.
12. Вартумян А. А. Региональные политические элиты: формирование, строение, институционализация / А. А. Вартумян, А. В. Поляков // Региональные политические элиты: форма, строение, институционализация. – Ставрополь : Базис, 2004. – Гл. 1, 2. – С. 5–45.
13. Джанталеева М. Ш. Специфика функционирования региональных этнополитических элит (на примере Астраханской области) в Российской Федерации / М. Ш. Джанталеева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2011. – № 1. – С. 178–183.
14. Усманов Р. Х. Геополитика Каспийского региона в контексте региональных миграционных проблем и этнополитических конфликтов на Юге России / Р. Х. Усманов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2010. – № 2 (10). – С. 17–26.
15. Усманов Р. Х. Этнополитические иммиграционные процессы на Северном Кавказе: влияние внешних факторов, проблемы, перспективы / Р. Х. Усманов // Вестник Института стратегических исследований ПГЛУ : сб. науч. тр. / ред. колл.: В. Н. Панин, Г. В. Косов. – Ставрополь : Ставролит, 2011. – Вып. 1: Конфликты – безопасность – геополитика: стратегический анализ современного мирового развития. – С. 55–58.
16. Кудряшова Е. В. Этапы реформирования и перспективы развития отношений «центр – регионы» в Российской Федерации / Е. В. Кудряшова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2011. – № 1. – С. 73–81.
17. Новоселов С. В. Безопасность: сущность и содержание / С. В. Новоселов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2010. – № 2 (23). – С. 42–50.
18. Оськина О. И. Россия: между патернализмом и демократией / О. И. Оськина // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 1 (35). – С. 96–101.

References

1. Abdullaev M. A. Protivorechiya v sfere natsionalnykh otnosheniy [Contradictions in the sphere of national relations]. *Komunist* [Comunist], 1990, no. 17, pp. 43–45.
2. Gallyamov R. R. Politicheskie elity rossiyskikh respublik: osobennosti transformatsii v postsovetskiy period [Political elites of the Russian republics: features of transformation in the post-Soviet period]. *POLIS: Politicheskie issledovaniya* [POLIS: Political Studies], 1998, no. 2, pp. 108–115.
3. *Postanovlenie Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Dagestan ot 26 iyunya 1995 g. No. 59 "O sostoyanii i merakh po stabilizatsii migratsionnogo protsessa russkoyazychnogo naseleniya v respublike"* [Decree of the State Council of the Republic of Dagestan of 26 June 1995 No. 59 "On the status and measures to stabilize the migration process of the Russian-speaking population in the republic"]. Available at: <http://base.garant.ru/26503746/>.
4. Chetverikova O. *Migratsionnyy krizis v Yevrope i ego zakazchiki* [Migration crisis in Europe and its customers]. Available at: <http://www.russiapost.ru/archives/57337>.
5. Toshchenko Zh. T. Politicheskie klouny (shuty) [Political Clowns (Fools)]. *Politicheskaya kontseptologiya* [Political Conceptology], 2015, no. 1, pp. 91–109.
6. Karabushchenko P. L. Elity Severnogo Kavkaza: patriarkhalnaya elitarnost i sovremennost [Elites of the North Caucasus: patriarchal elitism and modernity]. *Kavkaz v nachale XXI veka: narody, obshchestvo i gosudarstvo* [Caucasus at the beginning of the XXI century: peoples, society and the state]. Ed. by T. A. Shebzukhova, A. A. Vartumyan, N. Yu. Rud. Pyatigorsk, Pyatigorsk Branch of the North Caucasian Federal University Publ., 2015, vol. 1, pp. 171–182.
7. Karabushchenko P. L. Elita i krizis: geopolitika opasnosti i kultura politicheskoy bezopasnosti [Elite and crisis: the geopolitics of danger and the culture of political security]. *Sotsialno-politicheskie i istoriko-kulturnye aspekty sovremennoy geopoliticheskoy situatsii* [Socio-political and historical and cultural aspects of the current geopolitical situation]. Moscow, Pero Publ., 2016, pp. 145–155.
8. Vartumyan A. A., Polyakov A. V. *Regionalnye politicheskie elity: formirovanie, stroenie, institucionalizatsiya: Monografiya* [Regional political elites: formation, structure, institutionalization: Monograph]. Stavropol, Stavropol State University Publ., 2004, 112 p.
9. Vartumyan A. A., Karabushchenko P. L. *Grazhdanskoe obshchestvo i SMI v sisteme antikorruptsionnoy politiki sovremennoy Rossii: Monografiya* [Civil Society and Mass Media in the System of Anti-Corruption Policy of Modern Russia: Monograph]. Pyatigorsk, Pyatigorsk Branch of the North Caucasian Federal University Publ., 2014, 204 p.
10. Vartumyan A. A. Politicheskie elity postsovetskoy Rossii: osnovnye podkhody i prikladnoy analiz [Political elite of post-Soviet Russia: basic approaches and applied analysis]. *Sovremennaya nauka i innovatsii* [Modern science and innovation], 2014, no. 1.
11. Vartumyan A. A. K voprosu ob "institutsionalizatsii" izucheniya regionalnykh politicheskikh elit [To the question of "institutionalization" of studying regional political elites]. *Problemy natsionalnoy bezopasnosti Rossii v XX–XXI vv. Uroki istorii i vyzovy sovremennosti* [Problems of the national security of Russia in the XX–XXI]. Adler, 2011.
12. Vartumyan A. A., Polyakov A. V. Regionalnye politicheskie elity: formirovanie, stroenie, institucionalizatsiya [Regional political elites: formation, structure, institutionalization]. *Regionalnye politicheskie elity: forma, stroenie, institucionalizatsiya* [Regional political elites: form, structure, institutionalization]. Stavropol, Bazis Publ., 2004, pp. 5–45.
13. Dzhantaleeva M. Sh. Spetsifika funktsionirovaniya regionalnykh etnopoliticheskikh elit (na primere Astrakhanskoy oblasti) v Rossiyskoy Federatsii [Specificity of functioning of regional ethno-political elites (on the example of the Astrakhan region) in the Russian Federation]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economy, Culture], 2011, no. 1, pp. 178–183.
14. Usmanov R. Kh. Geopolitika Kaspiyskogo regiona v kontekste regionalnykh migratsionnykh problem i etnopoliticheskikh konfliktov na Yuge Rossii [Geopolitics of the Caspian region in the context of regional migration problems and ethno-political conflicts in the South of Russia]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economy, Culture], 2010, no. 2 (10), pp. 17–26.
15. Usmanov R. Kh. Etnopoliticheskie immigratsionnye protsessy na Severnom Kavkaze: vliyanie vneshnikh faktorov, problemy, perspektivy [Ethno-political immigration processes in the North Caucasus: the influence of external factors, problems, prospects]. *Vestnik Instituta strategicheskikh issledovaniy PGLU* [Bulletin of the Institute of Strategic Studies PGLU]. Ed. by V. N. Panin, G. V. Kosov. Stavropol, Stavrolit Publ., 2011, no. 1, pp. 55–58.

16. Kudryashova Ye. V. Etapy reformirovaniya i perspektivy razvitiya otnosheniy "tsentr – region" v Rossiyskoy Federatsii [Stages of Reform and Prospects for the Development of "Center-Regions" Relations in the Russian Federation]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economy, Culture], 2011, no. 1, pp. 73–81.

17. Novoselov S. V. Bezopasnost: sushchnost i sodержanie [Security: essence and content]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economy, Culture], 2010, no. 2 (23), pp. 42–50.

18. Oskina O. I. Rossiya: mezhdru paternalizmom i demokratiey [Russia: Between Paternalism and Democracy]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economy, Culture], 2014, no. 1 (35), pp. 96–101.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННЫХ ЭЛИТ: ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ

Сиянова Татьяна Владимировна, студент
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: siyanovanv@yandex.ru

Характеризуя политическую культуру современных элит, политическая наука всё чаще обращает внимание на усиление роли политической мифологии и адаптацию элит и их лидеров к фальсификации политических данных. Происходит усиление утопического мышления, создающего свою определённую виртуальную реальность, которая отодвигает в сторону реальность объективного мира. Западные элиты фактически развязали самую настоящую информационную войну против России, породив в своих странах новый виток русофобии. Именно русофобия лежит в основе современной политической идеологии западных элит, что свидетельствует о кризисе их мышления и утопическом характере восприятия действительности.

Ключевые слова: элита, лидеры, фальсификация, фейк, утопическое мышление, политическая мифология, манипуляция, информационные войны, русофобия

POLITICAL CULTURE OF MODERN ELITES: FEATURES AND TRENDS

Siyanova Tatiana V., student
Astrakhan State University
20a Tatishcheva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: siyanovanv@yandex

Characterizing the political culture of modern elites, political science increasingly pays attention to the increasing role of political mythology and the adaptation of elites and their leaders to the falsification of political data. There is an increase in utopian thinking, creating its own virtual reality, which pushes aside the reality of the objective world. Western elites actually unleashed the most real information war against Russia, having engendered a new round of Russophobia in their countries. It is precisely Russophobia that underlies the modern political ideology of the Western elites, which testifies to the crisis of their thinking and the utopian nature of the perception of reality.

Keywords: elite, leaders, falsification, fake, utopian thinking, political mythology, manipulation, information wars, russophobia

В последнее время в политической культуре мировых элит существенное место начинает занимать политическая мифология и фальсификация истории. В научной литературе встречаются различные оценки этого явления, но все они примерно сходятся в одном: элиты всё чаще начинают предпочитать фейковые новости исторической правде и активно начинают использовать новейшую мифологию в продвижении своих политических целей. Это явление настолько распространилось, что можно уже говорить о существовании некоей системы, активно работающей над переформатированием общественного сознания и задавание ему новых векторов развития.